

Острова словесности

ОЛЕГ НИКОЛАЕВ

Филолог, фольклорист, культурный антрополог

Ведущий рубрики, член редакционной коллегии

ЖИЗНЬ В ЛЕСУ И ЕЁ УРОКИ

В июне 2008 года в составе экспедиции¹ я работал в деревне Сартынье Берёзовского района Югры, старинном поселении на берегу реки Северной Сосьвы. Сейчас в деревне осталось 60 человек жителей и даже нет магазина (ближайший в нескольких десятках километров по реке). На фоне тяжеловатых впечатлений от разрухи (довольно живописной, впрочем) и почти вседеревенского похмелья экспедиционная фортуна в Сартынье всё-таки мне улыбнулась.

За четыре дня до нашего появления в деревню вернулся из тайги охотник-промысловик Валентин Лаврентьевич Беспмятных; он находился в лесу с 27 августа 2007 года. Как знают все полевики, работавшие с промысловиками, два часа — это слишком маленькое время для информативного интервью. Но других вариантов не было: стоянка теплохода в деревне была короткой. Хотя сыграло роль то обстоятельство, что Валентин Лаврентьевич же явно нуждался в том, чтобы выговориться после почти десятилетнего одиночества, — и это оказалось нам обоим на руку.

Валентину Лаврентьевичу Беспмятных пошёл 73-й год; родился он 27 января 1935 года в д. Сартынье. Родители были родом из Свердловской области, приехали на Сосьву во время коллективизации: «Когда начали сгонять: скотину сдай в табун, сам одевай хомут... — народ бежал кто куда. Да, приехали сами. Писали, значит, знакомые это... что тут охота богатая. Там в посёлке жили, кусок земли был, и пахали сами и сеяли».

¹ Комплексная экспедиция «Славянский ход», организованная Обществом русской культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Колледжем русской культуры им. А. С. Знаменского (Сургут), в 2008 году проходила в десятый раз.

Беспамятных — профессиональный промысловик; 25 лет, с 1963 года, он промышляет на одном и том же таёжном участке, примыкающем к устью реки Ялбыньи: «Инспектор там в районе сидит, а район — это целая... Франция. <...> Государство. Один у меня участок — дак это, наверно, Люксембург». Промысловиков на Сосьве осталось мало: «Шарлатанов много, конечно. Грабить все лезут. А таких, как я, — один, два... три...». Впрочем, и на фоне этих трёх Валентин Лаврентьевич исключение: «У кого семьи, они дома, видишь. Договор заключают и выходят осенью. Избушки есть. А так жить-то не живут, как я живу. Ни одно́го такого нет».

По причине бессемейности, особого склада характера или ещё чего-то «центр тяжести» своей жизни Беспамятных переместил в лес, и с тайгой связана его самоидентификация: «Вечный турист тоже. <...> Как в песне поётся: „<...> подойду я к родному порогу, ничего не поделаешь, тянет в дорогу“. Кажется, уже сколько приехал это... давно. Вот, четыре дня, пятый...» Собственно, и причины вынужденного возвращения в деревню Валентин Лаврентьевич называет сугубо прагматические: «Я бы лучше не приехал, спокойнее там это <...>. Приедешь, тут <...> дом уже разваливается. Надо закупать всё равно провиант опять».

На основании рассказов Валентина Лаврентьевича его не назовёшь охотником традиционного склада, каких ещё, наверное, можно найти в дальних мансийских деревнях на Северной Сосьве. Правда, считать его уставшим от «суеты городов» интеллигентом, сбежавшим в поисках «естественной жизни» в тайгу (а таких в Сибири достаточно) тоже не приходится. Его рассказы не изобилуют этнографической архаикой (приметами, поверьями, быличками), но их не поставить в прямую зависимость от литературных образцов, хотя Валентин Лаврентьевич когда-то выписывал охотничьи журналы, сейчас довольствуется прессой, которую ему привозит в тайгу заготовитель вместе с продуктами: «Это хлеб мой — читать. Прессу эту... „Спид-информ“. Интересная газета, познавательная».

В ходе разговора В.Л. Беспамятных не откликнулся — поверьем, быличкой, ссылкой на авторитет «стариков» — ни на одно «процитированное» собирателем мифологическое представление. Но странным образом они нашли отражение в его «лесном» поведении. Как ханты и манси, он не рубит сырых деревьев на дрова. Не поддержав тему мифологического родства человека и медведя, Валентин Лаврентьевич тем не менее рассказал, как «здоровался» с медведем в лесу (иронически, но здоровался!). Прямо не подтверждая мифологический запрет убивать лебедей, Беспамятных говорит: «Я их не стреляю». Прибегая в основном к мотивировкам не мифологического, а рационального (подчас декларативно-экологического) характера, дискурс Беспамятных всё время как бы колеблется на грани традиционного и современного, охотничьей магии и прагматического опыта. Фраза «с птицами я разговариваю», произнесённая почти в начале интервью, подвинула меня сделать «собираТЕЛЬскую стойку», а обернулась рассказом о звукоподражании,

на мой взгляд, правда, не менее красноречивом, чем былички о знании «птичьего языка».

В выстроенном Валентином Лаврентьевичем противопоставлении «леса» и «деревни» по признаку чистоты («Там возле избушки у меня чище, чем вон... в деревне») можно усмотреть не только шкалу «замусоренности», но и категорию мифологической чистоты. Для ханты и манси характерна подобная оппозиция, имеющая явно мифологическое обоснование. В 2004 году один из моих информантов на Ямале, охотник Ю.М. Кельчин, ханты, произнёс фразу, объясняющую непрезентабельность его облика, когда я его встретил у местного магазина (он пришёл похмеляться): «Я здесь не живу, я в лесу живу. Это здесь я грязный, а там чистый... Как зверь».

На фоне колебаний дискурса Беспмятных между сакральным и мирским, мифологическим и рациональным ответ Валентина Лаврентьевича на вопрос о ритуальном «кормлении» реки во время весеннего ледохода звучит красноречиво и амбивалентно: «Не-е-ет... Этого не слышал. Я как в устье приезжаю Святой речки, так говорю: „Здравствуй, Ялбынья, непорочная девица!“». Что это: патетический этикет общения охотника с природой или индивидуальная мифология, порождающая магические практики?

Для данной публикации я избрал фрагменты интервью, посвящённые прежде всего добрососедским отношениям (если не сказать — взаимопониманию!) охотника с живыми существами тайги. Именно в этих рассказах: о копалухах, которые ходят, как куры, по двору; о трясогузке, которая с 1970 года живёт под окном; о подкармливании кедровок; о спасении муравья; о взаимоотношениях ворона и орла, — ярче всего проявляется мировосприятие В.Л. Беспмятных, человека, выбравшего жизнь в лесу.

«С ПТИЦАМИ Я РАЗГОВАРИВАЮ...»

*Из устных рассказов сибирского промысловика
Валентина Беспмятных*

О святом месте

Я там работаю с 63 года. Святая речка называется, святая святых у них [у манси]¹. Вот я приехал 14-го, этого месяца. А 27 августа я прошлый год уехал. Там жил.

Там ничего не сохранилось, только название. Вот эти сверху едут, саранпаульские, ломбовожские²... на устье [речки Ялбыньи] они там на Сосьве кидают монеты... по сих пор. Наблюдаешь за ними...

¹ В квадратных скобках редактором приведены детали, опущенные рассказчиком.

² Саранпауль, Ломбовож — национальные посёлки Берёзовского района ХМАО — Югры.

Им нельзя там работать. И проезжать-то им нельзя. Раньше они ездили рыбачить, а это место [чтобы проехать] они нанимали там этих детей разных. Они их провезут, а они им отдадут половину улова.

Я как в устье приезжаю Святой речки, так говорю:

— Здравствуй, Ялбынья, непорочная девица!

Вот осенью поеду, в августе — вот так и говорю. Крепко я там прилип. Как это? Бросить всё? Там столько трудов вложено. Там возле избушки у меня чище, чем вон... в деревне. Как снег сходит, каждый сучочек — всё убрано. Подметёно. Десяток метёл израсходуешь. Ни одно дерево сырое не рубишь, только валёжник, сушняк.

А эти, игримские¹, приедут... Я их называю: колонизаторы. Раньше так Африку грабили. Вот игримские так же. Ночь ночуют они — три-четыре дерева срубят — таких вот, сырых. Зачем это, спрашивается? Всё там завалено сушняком. У нас же тут завалы.

«Вот надо учиться у кедровки — садить-то»

Орехи я здесь добываю вон... Туда приехал — там уже кедровка. Надо приехать к 20 августа, а то кедровка уже успеет снять. Дрянь соберёшь там это... — мелкие. А кедровки из рук берут орехи, бывает. Прямо с рук даёшь — кормишь. В марте, значит, когда бескормица у неё, запасы кончатся, снег метровый, жрать нечего. Будет возле собак крохи подбирать, то значит, она голодает. Начнёшь ей шишки мелкие — в лабазе есть там для приманок — подбрасывать, потом с рук берёт.

[В этом году] я поздно приехал, уже кедровка окончила. От неё осталось — шишечки такие вот — мелочь: там по три, по пять орешков, половина пустых. Она знаешь как разбирается?! Профессор в этом деле. Она шишку, значит, возьмёт, скорлупу скинет — раз, раз, раз! — выбрала ценное самое... — полные ядра! А остальные тебе оставила. Говоришь:

— У, чё она, заелась, что ли, столько оставила?

Возьмёшь, значит, другой раз соберёшь, высушишь — там пшик! Там одна плёночка. А в сыром чё-то есть ещё маленько, а высохнет — ничего нет. Она в этом дока. И память у ней — компьютер, а не голова. Она летает по всему району и везде готовит. Потом найди — под таким снегом!

Я вот уборку [делал], так и то нашёл в двух местах. Ни одного пустого [орешка] она не положит. И у ней, значит... — вот сейчас они уже корни дадут. Уже прорастёт. Сто процентов — всхожее. А лесники принимали для посадки: там им надо мыть, надо высушить... Потом всхожести нет. Вот надо учиться у кедровки — садить-то. У ней-то точно. Вот так.

¹ *Иgrim* — крупный промышленный посёлок Берёзовского района ХМАО — Югры.

«Он уже это... в доверие вошёл»

А птицы... с птицами я разговариваю. Два глухаря сели возле избушки, я подметаю и звук издаю глухариный, чтоб не боялись. Сидят, смотрят.

Один раз ондатру обезжирил, глухарь сел — вот так вот! Собаки с конур выскочили, хотели лаять. Глухарь испугался. Я говорю: «Молчать!» Сперва-то я звук издал — спокойный. Два звука у них — и тревожный, и спокойный. Глухарь успокоился. Сидел, сидел... кушал, лиственницы жёлтую едят хвою. Потом, значит, улетел.

Через несколько дней снова прилетел, опять туда сел. Ну как его будешь стрелять? Он уже это... в доверие вошёл. А копалухи¹, как куры, ходят возле избушки, не боятся.

Подражать надо уметь. Столько лет живёшь в лесу — дак научишься.

И филины... Филин у меня за туалетом... самка сидит, значит. Самец притаскивает корм. Я пока уборку делаю, дак раза четыре вижу, как он прилётит, притащит и сразу улетает. Как, значит, он подлетает с кормом, он уже сигнал даст, что несёт, близко уже. А ещё ночью сколько он прилетает — неизвестно. Заботливый хозяин.

О медведях

Нынче много рыбы погибло, загар² был. Трёх медведей наблюдать пришлось. Медведица с медвежонком... Медвежонок не нонешний, большой. Медведица бурая, под цвет вот этой травы старой. Такой масти. А медвежонок чёрный почему-то. И ходят всё время на пару, как два друга. Я сперва следы-то увидел, думаю: «Как так это?» Два медведя не могут вместе, а оказывается, самка с медвежонком, прошлогодним.

На живунах³ рыба там погибла, щука. И прям в воду залазят и там лапами достают, брызгаются в воде, и всё время вместе ходят. Раз вышел я, значит, смотрю: уже подвижка, по берегу издадека так, в конце плёса идут... как два человека вроде. Говорю:

— Откуда люди тут появились?

Как два человека. Потом — раз! — один боком.

— Во, — говорю, — вон какой человек!

Уже лёд... началась, значит, подвижка. Собаки на конурах сидят привязаны всегда. В лесу-то там не бегают свободно. Чего-то залаяла, я пошёл на́ берег. А на берег-то там не пройдёшь, а просто по кромке...

Гли! — медведь напротив идёт, метров семьдесят. Прошёл, ниже тут берег неудобный, и он, значит, развернулся, поднялся на гриву. Там бор,

¹ Копалуха — глухарка, самка глухаря.

² Загар (замор) — характерное для сибирских рек состояние воды зимой, когда она подо льдом портится от недостатка кислорода. Загар губителен для рыбы.

³ Живун (живец) — место на реке, где бьют ключи. К живунам устремляется рыба во время загара.

тропинка... По бору, смотрю, не торопится. И собака лает — он не реагирует даже. Или глухой, или чё ли? Вот говорю:

— Даже не здороватся!

Пока его не окликнул... — и друг на друга [смотрим]. Он там живёт давно уже, возле избушки, на участке на этом. Он ничего не трогает, не ломает ла́базы¹ — ничего.

Он уже пуганый. Не раз чуть жизнью не поплатился, дак. Даже натянута жилка — пугач — так он жилку обкусывает. Такой осторожный. И тоже светлой масти. Голова сильно светлая. Бурый, наверно, тоже.

О муравьях

Вот у муравьёв самки не работают. Я вчера глянул: чё-то их много вылезло, а то редко увидишь их наверху. Медведь их сейчас ест. Пойду ягоды собирать, а у них... [разворошен муравейник] — помогу им собрать, а то им до снегу не собрать, муравейник-то. Он их пожрёт, а у них рабочих-то мало. Смотришь другой раз: мало муравьёв уж осталось, некому уж восстанавливать.

Всё время весной там, подойду — понюхаешь [муравейник]. Вместо наша-ты́ра. А так я их не обижаю. Это труженики, надо у них учиться работать.

Вон у меня муравейник тут — они [погоду] знают. Посмотри, чего они делают. Если хорошая погода, они открывают дыры пошире, просушивают. Вот они одну сторону перетащат — просушат, потом на другую открывают сторону. Просушивают. Они работают всё время, муравьи.

Вот тут у них тропинка, через железо. Наблюдал: большой, значит, муравей есть; крупные ещё есть, покрупней этих. Он у них на дороге попался, и они на него напали. Этим маленьким не нравится он. Но чё-то у них, значит...

Я наблюдал специально. А самка прошла крупного — самку не тронули. Это как так? А того я у них отобрал. На ихней тропе появился он, случайно или как? Они живут в дереве, муравьи крупные, дерево точат, листья сухие — там всё иссверлено: просто как иероглифы — такие хода, лабиринты...

«Трясогузка под окном с 70 года живёт»

За утками я не сижу никогда, ночью я не сижу. Манщик² не имею. Зачем мне они? Сроки соблюдаешь. Всегда. Белка бежит мимо избушки, всю вёсну это. Трясогузка под окном с 70 года живёт. Каждую вёсну прилетает. Только дни не сходятся, маленько не сходятся... Как по графику прилетает.

А там главное: у каждой птицы есть гнездовье. И она годами туда прилетает, держится. Ворон живёт тоже много лет, у него гнездовый участок.

¹ Лабаз — охотничий амбар в сибирской традиции.

² Манщик — чучело для приманивания перелётной птицы.

Он всех выгоняет со своего угодья. Дрова готовлю в апреле, смотрю: орёл летит. Только что летит, с юга, видать. Белохвост у нас. Ворон сразу полетел на перехват:

— Тут не задерживайся! Мой участок!

Пóняли? Сразу начал орать и гонит: мол, тут не вздумай остановиться, гнездиться.

О выдрёнках

Они [орлы] там всю вёсну у меня живут. В низшей избушке, значит, живун, там рыба погибла. Три орла. Небывалый случай — они там кормились и потом улетели. Рыбу эту пронесло, течение стало, вода прибыла.

Выдру съели — орлы. Молодого, видать. В речке жили два выдрёнка. А я знаю, я их не ловил, не трогал, они всю зиму прозимовали там.

Раз прихожу, смотрю: там... как вроде волк оправился. Голима шерсть! Оказывается, этот орёл выблевал. Они желудки-то очищают. Птичья погадка¹. Голимая шерсть — выдры. Наверно, одного выдрёнка съели.

Сейчас я сюда ехал, так один выдрёнок нырял — видел. А второго-то нет — съели. Еду на весле, смотрю — кто-то нырнул. Большой — не ондатра. Ещё ныряет — далеко выныривает. Вроде пузыри идут, видать. Ну, говорю, сейчас выйдет, а он уже вон там. По берегу пробежался, значит, с берега опять прыгнет в воду. Один остался, было их двое. Орел съёл. Они [орлы] могут и ягнят таскать. Орлан белохвостый — называется. Он прилетает вместе с лебедями, рано весной.

О лебедях

Лебедь — самый ранний прилетает. Он пролетает дальше на север. Там гнездятся несколько пар, где-то на озёрах. Но не задерживается, в основном, он летит. Были такие вёсны, что пришлось ему обратно лететь. Как засеверило в марте... в мае месяце — бураны, значит. Смотрю: лебеди орут, летят обратно. А один едва-едва тянется сзади. Наголодалися. А лететь им надо не ближе чем до Казахстана. Там они покушают что-нибудь. Тысячи километров. Кто и не дотянет — гибнут. А надо рано лететь, он всех раньше. Смотришь: летят, ещё нигде земли клочка не видать. Снега лежат. А они летят ещё на север дальше. Вот там, в районе Берёзова, там сорá² на Оби. Пойма Оби — и там гнездятся.

*Подготовка текста к публикации и комментарии
Олега Николаева*

¹ Погадка — спрессованные непереваренные остатки пищи животного происхождения, отрываемые некоторыми хищными птицами.

² Сор — прилегающие к реке низменные места; затопливаются в половодье.

«КОГДА ЗВЕРИ И ПТИЦЫ ГОВОРИЛИ...»

*Народные сказки о животных в записях
конца 1980-х – начала 1990-х годов*

Солнце, Месяц и Ворон¹

Жил дед с бабой. У их было три дочки. Ну, и эти дочки пошли замуж. Первую он отдал за Солнышко, дочку. Вторую отдал за Месяц, а третью отдал за Ворона.

Ну, и вот. Так... Дочек своих отдали. Потом что? Старику надо иттить в гости.

Ну, пошёл в гости... — к Солнышку. Приходит. Щас... — надо угощать же тестя. Наболтали блинов. Эти блины на сковороду нальют; зять подымет-то так на руки [сковороду] — и спекутся! Такие свеженькие, тёпленькие! Это... — блинчики кушают. Ну, накушался [дед] это блинов.

Приходит домой, на бабу:

— Я блинов хочу! Разбалтывай блины!

Баба тая:

— Так надо затоплять... плиту...

— Не надо, так спеку!

Ну, баба тая наболтала; он сковороду взял, блинов этих налил — и держит на головы. Она:

— Ну что ты, одурел, что ли?

Держит — не пекутся. Поглядите: он и так, он и так! Оборотил это [тесто], глаза все залил, голову эту всю чисто облил блинной расщиной — всё! Баба закричала на него тут.

— Что?!..

Дед вымылся, лёг. Расстроился: «Ну, пойду завтра к другой дочке в гости».

Ну, пошёл он к Месяцу. Приходит к Месяцу — зять топит баню. Ночью!

— Ну, надо ж свет с собой брать, — этот уже... старик [говорит].

— Никакого свету не надо. Так будет видно — будешь мыться, — зять.

Ну, пришли в баню.

— Иди, раздевайся!

И тесть пошёл мыться, старик. А он [Месяц] с предбанника вторнул палец в щёлку и светит ему там. Ему [деду] там видно хо-о-рошо — что

¹ Сказка записана от Клавдии Терентьевны Клишковой в д. Жданово Западнодвинского района Тверской области в 1988 году. Все публикуемые сказки записаны в экспедициях РГПУ им. А. И. Герцена в Тверскую область; аудиозаписи хранятся в фольклорном архиве кафедры русской литературы РГПУ. Расшифровки аудиозаписей выполнены Антониной Михайловой и Олегом Николаевым.

всё! Видно! Вымылся: «Ну ладно, приду домой, и я так сделаю». Вымылся: ну, видно, чисто, тепло — всё! Пришли, зять ничем не угощал. Нет, только в баню.

Ну... пришёл домой, захотел в баню:

— Баба, давай баню топить.

— Чего тебе забирает? Давно в бане был?

— Не, я в баню хочу, давай стопим!

Ну вот, баню стопили. И подтягивает к вечеру, чтоб темнее было. Ну, пошли в баню.

— Бери фонарь! Чего ты не берёшь?

— Так будет видно. Баб, иди раздевайся.

Баба пошла раздеваться, а он уж там щель себе проделал, чтоб палец туда вторнуть. Вот палец вторнул — крутил, крутил, крутил, крутил... А баба думала: он пошёл за фонарём. А он тута. Тогда [баба]: «Чего так долго нету? Где он там девши?» Идёт — а он тут полсётся, в предбаннике, коло двери.

— Чего ты тут?!

Вот она его с бани припёрла, впотьмах, ругает, эта баба. Ну что ж... Пришёл, опять расстроился. Ничего не получилось.

Ну, пошёл к третьей дочке, что за Ворона вышла. К этой пришёл, посидели там, погломонили. Потом этот [Ворон] приносит на тарелке круп — угощать. Палец помокнёт — оближет. Не наелся ничего. Ну что ж ... — ночевать:

— Давай спать ложиться. Полезем на ёлку.

Он [дед]:

— Как на ёлку? Я не влезу!

— Ну, не влезешь! Влезешь! — на него.

Полезли. Крыло одно распустил Ворон, его [деда] положил, другим накрыл. Ну, так спать хорошо, мягко — что всё! А она уже там... не знаю, где его дочка спала. «Ну что, ладно, буду и я на ёлке спать», — думает дед. Приходит домой. Ночь подходит:

— Баб, полезли на ёлку! Спать.

— Ты что, — говорит, — ошалел? — на него. — Как ты на ёлку спать полезешь?

— Ай, баб, полезем! Такая ёлка хорошая, суклятая! — и лестницу поставил.

Уговорил бабу. Полезла баба вперёд. Ну, вот, он руку положил:

— Ложись, баб!

Бабе никак не лечь, не удержаться. Баба эта свалилась с ёлки. И сам (дед) сзади свалился с этого сука-то. До чего довертелися! Ну вот, так этим и кончилось.

Про медведя¹

Ну, раз хотите, про медведя расскажу.

Пошёл мужик в лес на охоту. Ну, увидел медведя и подстрелил ему одну ногу. Ногу принёс домой. Медведь там с тремя ногами остался. Пришёл [мужик] и говорит:

— О, баба! Затопляй печку, вари ногу медвежью.

Ну, а медведь на трёх ногах сзади помаленьку пришёл к этой деревне. Нашёл этого деда. Вот, идёт в избу к ним: к старухе да к старику, — и стучится. Стучится:

До-бу, до-бу,
 На трёх ногах иду,
 На четвёртой прискакиваю.
Все люди спят, *все* бабки спят,
 Одна бабка не спит:
 Мою ножку варит,
Шарёстку прядёт.
 Пойду её съем!

Услыхали дед с бабкой. Куды деваться?! Бегали, бегали по избе. Вот баба и говорит:

— Ладно, ты полезай, дед, в подпол, а я в ошестник встану у печки.

Спрятались. Вот, он [медведь] подошёл к двери. Дверь ломает, опять поёт:

До-бу, до-бу,
 На трёх ногах иду,
 На четвёртой прискакиваю.
Вся люди спят, *вся* бабки спят,
 Одна бабка не спит,
 Мою ножку варит,
Шерёстку прядёт.
 Пойду её съем!

Вот, вошёл он в избу. Искал, искал, никак нигде не найдёт. Ну, потом: «Погляжу я в подпол. Нет ли там?»

А он полез в подпол-то и провалился, а бабка-то была на ошестнике. Его ухватом и заколотила.

Так и дед [с бабой] остались живы, и медведь в подполе. Ну, вот и всё.

¹ Сказка записана в Торопецком районе Тверской области в 1987–1989 годах.

Девочка и медведь¹

Жили мужик и баба. И было у них три девочки. Отец поехал пахать и говорит:

— Завтра мне завтрак принесите.

А девочка и говорит:

— А я дороги не знаю.

— А я, — говорит, — наколю тебе всё вишечек, палочек наставлю.

А медведь всё слышал. Ну, тогда девочка понесла есть — и не попала к батьке: медведь вишечки переставил, и она к нему попала. Пришла девочка туда — стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках. Открывает дверь и оттуда:

— Поди-поди, девица-красавица. Как ты сюда забрела?

— Да несла отцу исть и заблудилась.

— Ну что ж, девица-красавица, к отцу ты не попанёшь, а будешь жить у меня. Три анбара стоят, а ты не ходи в один анбар.

И ключи подал. А девочке захотелось сходить туда. А там кости человеческие лежат, медведем заеденные. Там крови целая кадка — а там плавает колечко, не простое, а золотое. Захотелось ей это колечко, она — цап его! — пальчиком. И привязалась кровь, и никак её не вымыть. [Медведь приходит], а она взяла палец тряпчочкой и завязала. [Он говорит]:

— Что же ты, дева, с пальцем сделала?

Она говорит:

— Хлеб резала и палец обрезала.

— Покажи мне.

Она показала, он взял и съел её.

На второй день вторую девку послали, и опять медведь эти вишечки переторкал, и то же произошло. Тогда на третий день третью послали, а она догадалась — взяла палочку. Ну, палочкой достала колечко, вымыла его, одела на пальчик.

Он как придёт — лохматый-лохматый, страшный медведь, а как спать — разденет свою шкуру — хорош, не насмотреться на него

— Ну вот, теперь, дева, мы жить с тобой будем.

И вот живёт-живёт, и скучно ей стало.

— Как я хочу попасть к своим родителям.

— А не-е, тебе нельзя, а я могу сходить.

— Сходи, мишенька.

— Тогда пеки пироги.

Она напекла, в мешок наклала, натарила всего. Взяла ступу обрядила: юбку одела, платок, — на избу снесла и поставила. А сама в мешок залезла, завязалась и сказала:

¹ Сказка записана от Веры Фоминичны Прохоровой в д. Савино Торопецкого района Тверской области в 1987 году.

— Мишенька, [ты мои пироги не ешь, родителям неси], я буду смотреть — всё буду видеть.

Вот медведь понёс-понёс, решил сесть на пенёк, съесть пирожок, а она говорит:

— Иди-иди, мишенька, я вижу тебя.

— Ай, ведьма, она опять меня видит.

И опять идёт медведь. Пришёл к ихнему дому: «Нет, сяду на пенёк, съем пирожок». А она и выскочила из мешка. Он говорит:

— Ах, ведьма, и ты тут.

А она:

— Мишенька, пойдём со мной [к родителям].

Ну, пошёл. Там она матери говорит:

— Мама, он как ночью шубу разденет, то красивый-красивый. А так я его боюсь.

Ну, он разделся, шубу повесил, а бабка не прозевала — взяла его шубу, срубила и в печке сожгла. Медведь встал — а шкуры нет, и как грабнул за порог, так его и не видели больше.

И я там была, мёд-пиво пила, а пиво густо, а во рту пусто, а мне дали пирог, я шмыг за порог, а меня баба чуть в задницу ухватом не запорола.

Девочка Беляночка¹

Девочка Беляночка жила с дедушкой и с бабушкой. Её позвали подружки в лес — ну, она и согласилась, пошла с ними. Они ягоды брали, брали... — набрали, говорят:

— Беляночка, пойдём домой.

А она всё берёт. Девочки взяли да и ушли от неё. Она одна — не знает, куда иттить.

Шла, шла, увидала какую-то избушку. Вошла, а там лежит медведь на шестике:

— Заходи, — говорит, — Беляночка, заходи. Живи у меня. Кашей накормлю.

Накормил её кашей, сам поел. Она плачет:

— Нет, я к дедушке с бабушкой хочу!

Он говорит:

— Нет, будешь у меня жить!

Он на другой день ушёл. Она кашки сварила, его накормила, сидит, плачет под окном.

А ей козлик — тук-тук:

— Девочка Беляночка, что плачешь? Поедем, к деду да к бабе съезу!

— Не, — говорит, — боюсь.

Козлик [ещё] постучал ей в окно:

— Пойдём, девочка Беляночка, к дедушке с бабушкой съезу!

¹ Сказка записана от Татьяны Филипповны Кудрявцевой в д. Княжое Торопецкого района Тверской области в 1988 году.

— Не, — говорит, — боюсь, козленька, тебе не свезти меня!

— Садись да держись за мои завитые рожки!

Она вышла, села и поехала. А медведь схватился — её нет-то! Да догнал да утащил её опять к себе домой. Ну вот.

Она опять плачет, сидит. Плачет всё, сидит... Бык за ней пришёл — тук-тук рогами:

— Пойдём, к деду да к бабе, Белянушка, свезу!

— Не, быченька, боюсь — медведь опять догонит меня!

— Пойдём, — говорит, — пойдём. Садись да держись за мои большие роги!

Она села и поехала. А медведь догонял их. А он ему в глаза — как дристнул! Медведь пока царапал свои глаза, они и доехали.

Девочку привёз к деду, к бабе. Они рады — и сами себя никак не помнят! И девочка Беляночка у деда с бабой осталася жить. Всё.

Твердушка, Пердушка и Потаполка¹

Жили мужик и баба. Пошла баба в лес за помелом. Откудова?.. Идёт медведь. Ну, это ребячья сказка, ну... Идёт и ревет, и говорит:

— Баб, а баб, я тебя съем.

— Ой, что ты, не ешь. У меня есть три дочки: одна — Твердушка, одна — Пердушка, а одна — Потаполка. А тебе любую отдам, только ты меня не трогай.

Ну, медведь согласился. Бабу домой отпустил. Баба домой прибегла — она ломала помело... Баба домой прибегла, скорей печку запахла помелом, хлеб в печку всадила, ну... И лопату закинула.

Ладно. Баба эта всё на свете обделала, лопату закинула, избу заложила — и на печку.

Откуда ни было — ребята так слушают! — идёт медведь, ревет:

— Баб, баб. Откладывай, я за дочкой иду.

— Нет! Какая тебе дочка надо?

— Подай Твердушку.

— Не ломися — баба твёрдо заложивши, теперь ты, медведь, в дом не попадёшь.

— Ну, подай Потаполку!

— Баба и лопату закинула.

Ну, какое я говорила третье? Третья приказка есть. Вот как забываю... Твердушка, Пердушка...

— Подай Пердушку!

— Вот лежит баба на печи и попёрдывае.

От так. От сказка ребячья.

¹ Сказка записана от Юлии Васильевны Буруновой в д. Пожня Торопецкого района Тверской области в 1988 году.

Медведь и гармонь¹

Ну вот, поехал мужик — стал дрова рубить. Медведь вышел — не дал. Так приехал [без дров]. Сына посылает. Сын поехал с гармошкой. Ну, сел на пень и играет. Медведь пришёл к нему — понравилось. Говорит:

— Дай, я тоже попробую так.

Ну, он [медведь] сел, играет в гармонь, а этот [мужик] нарубил воз дров пока. Этому дал [нарубить], который с гармошкой приехал. Ну, вот и всё.

Про лису и волка²

Тоже жил дед с бабой. И пекла баба пироги. Напекла много пирогов и перекладывает эти пироги:

— Это дедов пирог, это бабин пирог...

Дедов пирог — шмыг за порог! — и побёг. И побёг, и побёг, и побёг...

Это ещё моя мама рассказывала, я маленькая была.

Ну и бёг... и побёг, и побёг этот пирог. А там где-то сидела лисичка. Лисичка этот пирог схватила и взяла его. Что ж, пирог этот взяла, его разрешила, серединочку выела, туда оправились, заделала, замаслила этот пирожок — и пошла дальше.

Идёт, а ребята пасутся в поле — телят [пасут]. Тогда подходит [лисичка] и говорит:

— Знаете что, ребятки, вы мне дайте бычка-третьячка, а вам дам пирог: маком чинен, мёдом мазан — такой красивый, такой хороший!

Ну что... а ребята ж дурковаты:

— А, — говорит, — бери бычка.

А эти [ребята] взяли пирог этот.

— Только смотрите, вы его не трогайте, пока я в кустики не скроюсь — чтоб вы меня не видели. Тогда вы вот разломите его на головке, — такой вот мальчик с стриженной головкой, — и вы на нём разломите этот пирожок, и кушайте.

Ну, им никак не дожидаться, скоро это она спрячется, эта лиса: как пирог хорош! Только она спряталась:

— Ну, иди сюда, садись, давай ломать!

Ой! Как поплющило тут этому мальцу: и по голове, и за шею — везде это... добро.

— Ну, всё! — закричали они.

¹ Сказка записана от Евгении Викторовны Ивановой в д. Зуи Торопецкого района Тверской области в 1988 году.

² Сказка записана от Клавдии Терентьевны Клишковой в д. Жданово Западнодвинского района Тверской области в 1988 году.

А лиса скрылась с бычком. Ну, что делать. Так уже эти мальцы остались.

Ну, лиса вела, вела этого бычка — ребята катались на саночках с горки.

Она этого бычка в кустах привязала, и к этим ребятам:

— Дайте я вас прокачу! Ну вот, давайте, садитесь, вот я вас прокачу!

И-и-и-и... с горы прокатила, ребят этих оборотила и саночки упёрла у их. Ну вот, повела саночки... тут уже что она там обдумала? Бычка этого запрягла и поехала с бычком. Едет, едет, едет... Идёт навстречу волк:

— Ай, кума, как ты хорошо едешь, возьми меня.

— Ты что! Ошалел? Мне саночки сломать?

— Да целы будут твои саночки, возьми!

Не, не берёт.

— Ну, возьми хоть одну лапку!

Ну, лапку поставил. Что? — прыгает!

— Ну, возьми другую!

— Ну, станови.

Другую [поставил].

— Сам только не садись, а то саночки сломаешь.

Ну, прыгал, прыгал... Задние ноги идут, а передние едут.

— Не, кума, дай ещё третью лапку положу!

— Ну, клади! — кричит она на него.

Положил он. Ехал, ехал:

— Не, кума, ну, дай же и четвёртую лапку положить.

— Ну, клади! Отстань! Можя, целы будут [саночки].

Положил четвёртую. Ничего: саночки целы, а хвост волокётся. Тогда просит:

— Кума, весь хвост ободрался об кусты, об сучья. Дай хвост положу!

— Ну, клади уж!

Пока хвост положил, и саночки сломались — ни с места.

— Иди, руби! — на него, — саночки... Руби и приговаривай: «Сухое секися кривое, а сырое секися прямое!»

Ну, он пошёл, говорил не так: «Сырое секися кривое, а сухое секися прямое».

— Чёрт, не так говорит!

Принёс, скинул:

— Ну что ты нарубил! Паси бычка, смотри не трогай. Паси, я пойду сама нарублю.

Пошла там, лопотала, лопотала: «Сухое — кривое, сырое — прямое...»

Пока там она рубила, а волк взял бычка и съел. Пузо выел, туда натискал, поставил — и стоит [бычок]. И сам пошёл. Ушёл. Приходит она, кинула [нарубленное]: «О чёрт, бычка оставил и сам ушёл». Бычок стоит.

Вот она эти саночки-то сделала, собрала, собрала... Стала бычка запрягать — бычок завалился. Ой! — ругала его... Ну, что делать — пошла.

Пошла... Идёт, идёт дорогой, задумавши. Ходят курята на улице. А баба пекла блины. Она и погналась за этим курятам, лиса. За курятам погналась, баба выскочила из избы: чё? — кто курят полохает тут?

Она [лиса] — в избу. Это — что у неё [бабы] был раствор — на себя вылила и пошла, вся облита, в растворе.

Да... Идёт, идёт дорогой — едут рыбаки. Она взяла на дороге и легла. На трёх лошадях ехали. Один [рыбак] ногой копнул — лисица сдохлая лежит какая-то, облезлая уже. Другой копнул:

— Тьфу, какая, — говорит, — лиса!

На лису только что похожа — она вся обливши [раствором]. А она живая лежит. А третий подъезжает:

— А я, — говорит, — возьму. Это, може, ребятам на воротник выберу?

Взял да её в рыбу кинул, в корзинку,.. эту лису. Вот она там дырочку проделала, рыбу эту подобрала — на стог влезла, эту рыбу и кушает.

Тот [мужик] приехал домой — лисы нет, и рыбы нет. Эта [лиса] рыбу кушает. Откуда ни взялся этот волк — идёт к стогу. Она оттудова — там эту рыбку кушает — и костки кидает.

— Ай, кума, как твои костки хороши! Скинь рыбинку!

Хвосток она ему скинула.

— Ай, кума, скинь и головку!

Головку скинула. Она его ругает:

— О-о, змей! Мне бычка съел, я ему буду рыбу давать!

— Не, кума, скинь уже и рыбинку.

Рыбинку скинула.

— Ну, а как же ты её ловила?

— Как ловила?! Вон, бабы бельё полоскали, корзинку оставили коло лунки, а я хвост привязала и наловила рыбы — и кушаю. Вот и ты так.

— А-ёв, кумка, так ты ж сходи, мне привяжи..

Вот она пошла, ему этот хвост привязала к этой, к корзинке, а сама опять на стог — сидит. Он болтал, болтал там эту корзину хвостом в лунке в этой.

На! — видят мужики: волк сидит коло лунки. Она уже примёрзла. Вот ухватили по колу — туда! — бить его. Взялись его бить — он вырвался, хвост оторвался, отстал, порвал хвост. Бежит к ней [лисе]:

— Фу, кумка, как ты мне наделала! И хвост оторвался, и чуть что меня не убили.

— А-а-а! вот так тебе и надо. Вот — хорошо тебе без хвоста? Вот так мне хорошо без бычка.

Про лису¹

Жила... Ай, бабушка жила. Такая как я. Живёт, а у ей мёду-то кубан при-
запашено. Приходит к ей лисица ночевать.

- Бабушка, пусти поночевать!
- Ну ночуй, лисонька, что ж, ночуй.
- А где мы будем спать?
- На печке.

Ложатся, лисица легла... А лисица подсмотрела, как приходила, этот
кубанок. От лежит и щас — лоп, лоп, лоп! — хвостом. Баба:

- Лисонька, чего ты?
- Ой, бабушка, крестить зовут!
- Ну, сходи, лисонька... А как же? Крестить не отказывают.

Пошла, сверху медок съела, порядочно она отлизала. Пришла, по животу
потирает...

- Ну, как это... — спрашивает баба. — Ну, как зовут, лисонька?
- Верхолиз, бабушка, мальчик.

Полежала, полежала, отошла... — опять это хочется... мёду. Лоп, лоп! —
хвостом. Баба:

- Чего ты, лисонька?
- Ой, бабушка, крестить зовут! Иттить не хочется.
- Что ты, лисонька, отказывать нельзя. Иди, сходи, окрести...

Пошла, до серёдки добралась, этот кубан мёду съела. Приходит, легла.
Ну, тогда и говорит баба:

- Спи, лисонька. Ты и мне спать не даёшь.

Полежала, полежала лисица... скоро свет — пойду я за остатком.
Опять — лоп, лоп! — хвостом. Баба:

- Ну, лисонька, ну, чего ты?
- Ой, бабушка, крестить зовут.
- Сходи, лисонька, сходи, нельзя отказывать, так ведь это нарощение...

Пошла. Вылизала этот кувшинчик весь, приходит. Баба:

- Как же, лисонька, зовут?
- А По Донышку Лизь, За Окошечко Прысь! — и пошла лиса.

Сказка про телёнка²

Нет никого — бабе скучно жить.

— Дед, слепи хоть телёночка, — говорит.

— А ладно, бабушка, пойду, — говорит, — слеблю, и пускай он с нам
живёт.

Слепил.

¹ Сказка записана в Торопецком районе Тверской области в 1987–1989 годах.

² Сказка записана в Торопецком районе Тверской области в 1987–1989 годах.

— Бабушка, — говорит [телёнок], — давай обедать там... или завтракать.

Ну, баба всё, что наготовила, — чугуны — всё ему даёт, он всё и ест.

— Ну, бабушка, всё, что есть в печи, ты всё на стол мечи, — этот телёнок.

Ну, баба выгребла и золу — и золу съел. Видит дед и говорит:

— Что же мы с таким будем делать? Ить он нас съест с руками и с ногами!

А вот что, баба, я надумал: возьму его на верёвочку, поведу по дороге, может, кто-нибудь и возьмёт.

Идут они по дороге — дед с этим телёночком. Идут мужики с вилами, с граблями. Он как схватил — и весь народ съел. Пошли они дальше. Идут, идут дорогой, а идут бабы с водой, с ведрами, — и он тоже их съел. Ну, что мужику теперь делать?

— Поведу домой.

Стоит коза.

— Коза, коза, купи у меня телёночка.

— Продай, — говорит. — А дорого?

— Да нет, — говорит. — Ты стань на гору, а я его поставлю под горой, и как разбежусь... — дам ему в живот.

Ну вот, ударила его [телёнка] в живот эта коза — ничего не вышло. Стоит телёночек! Вот, она опять на гору пошла — как вдарила! — и вышли все бабы и мужики с косами, граблями...

Вот, сказка вся, говорить больше нельзя, дали б мне рюмочку винца, я б сказала вам до конца. Дали б мне огуречик — я выйду со крылечек.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Вишечки — вешечки, вешки.

Вторнуть — воткнуть, вставить.

Грабнуть («как грабнул за порог») — рвануть, дёрнуть.

Запахать — подмести, замести; от «пахать» (мести).

Исть — есть.

Иттить — идти.

Натарить («натарила всего») — набрать, наложить.

Ошётник — место у русской печи, рядом с шестком (площадка перед устьем), где хранились ухваты, кочерги и т. д.

Переторкать — переставить, втыкая.

Погомонить — от «гомонить»: разговаривать, беседовать.

Полохать — пугать.

Полсётся — возможно, от «полститься»: сваливаться, сбиваться в войлок, кошму (о шерсти).

Расщина (блинная) — тесто, затворённое для блинов.

Тая — та.

Шётстик — шесток, площадка перед устьем русской печи.

Подготовка текстов к публикации и комментарии
Олега Николаева